

Глава 5. Сокрушение преграды

— Ты хоть в музыке что-то смыслишь? — с унынием в голосе спросил кто-то из учеников.

Чи Шэн глубоко, судорожно вздохнул и уселся на землю, скрестив ноги. Сэ словно откликнулась на его безмолвный зов: инструмент плавно опустился ему на колени. Юноша протянул руки, его кончики пальцев едва заметно дрожали.

Сказать по правде, он даже не знал, как правильно прижимать струны.

Он не умел играть на сэ, не разбирался в пяти тонах — он был всего лишь утёнком, выросшим в гуши Долины Бабочек и не видевшим мира.

Но сейчас его захлестнуло необъяснимое, властное чувство: даже если бы этот инструмент не отвергал остальных, только он, Чи Шэн, смог бы извлечь из него верную мелодию.

Ему нужно было не просто разрушить барьер и выбраться из гор. Он должен был остаться рядом с этим Лансюэ-цзюнем, так поразительно похожим на его спасителя. Пусть надежда была призрачной, он обязан был узнать — не тот ли это человек?

С этой мыслью он отвел взгляд от струн и посмотрел на Линь Фэйсяня.

На лице старейшины, обычно холодном и безучастном, как вечные снега, промелькнуло задумчивое ожидание. Солнце, сиявшее за его спиной, очертило силуэт золотой нитью. Поняв, что Линь Фэйсянь прикрывает его собой от палящего зноя, Чи Шэн невольно вздрогнул, и его палец сорвался, задев струну.

Призраки в небе на мгновение замерли.

Ученики уже были готовы возликовать, как вдруг вся зелень вокруг — деревья, травы, кусты — начала стремительно увядать. Жизнь уходила на глазах, краски блекли. Плодородная земля покрылась сетью трещин, похожих на морщины старика, изумрудный мох осыпался прахом, и лишь тучи песка взвились в пустом воздухе.

Земля поглотила огонь. Ясное небо затянуло серой хмарью, превращая мир в безжизненную пустыню!

Как только пейзаж изменился, призраки, словно подстегиваемые новой силой, ринулись вниз с еще более яростной злобой.

Линь Фэйсянь: «...»

Ученики: «...»

Чи Шэн впал в ступор: «.....»

— Ошибся!!!

Сердце Чи Шэна ушло в пятки. Тот аккорд был чистой случайностью.

Паника накрыла его с головой, особенно когда он почувствовал на себе ледяной взгляд Линь Фэйсяня.

Тем временем ученики, сдерживавшие натиск духов, начали сдавать позиции. Острые зубы разъяренного призрака прокусили плечо Ли Сюня. Бледный как полотно, юноша рухнул на землю. Тварь уже была готова вцепиться ему в горло, когда Линь Фэйсянь, подобно порыву ветра, бросился наперерез.

Но не успело лезвие Сюэ Ша коснуться врага, как призрак, пошатываясь, резко взмыл ввысь, к самым облакам.

Все тени внезапно отступили, возвращаясь в поднебесье.

В тот же миг струны сэ запели — нежно и плавно.

Желтые пески начали оседать. Из земли потянулись к небу могучие стволы, раскидистые кроны заслонили небосвод, а изумрудные лианы густой бахромой свесились с ветвей. Среди сочной травы блеснула зеркальная гладь озера, в лесной чаще отозвались трелью синие птицы — мир вновь расцвел.

Чи Шэн играл с закрытыми глазами. Его движения стали уверенными, на лице застыло отрешенное выражение. Казалось, он слился воедино с этим лесом и небом. Под звуки музыки он медленно поднялся в воздух над центром бронзового помоста. Символы двенадцати земных ветвей на поверхности площадки начали неспешное вращение.

Сердцевина барьера ожила.

— Дерево побеждает землю! — воскликнул Ли Ло, не скрывая восторга. — Пустыня превратилась в тропический лес. Сяо Чи Шэн взял тон «Шан», на этот раз он попал в точку!

Мелодия не смолкала. Струны звенели то бурным потоком, то тихим лесным ручьем. Чи Шэн парил в вышине, используя технику Пяти Элементов. Один за другим он проигрывал циклы Металла, Дерева, Воды, Огня и Земли. Он выглядел безмятежным и возвышенным, словно звуки этого мира больше не касались его слуха, оставив его в ином измерении. Пейзажи внизу

сменялись, как в калейдоскопе: от туманных лесов к палящему зною, от пелены дождя к бескрайним пескам... Пять состояний природы сменяли друг друга по кругу, но преграда всё не поддавалась.

Линь Фэйсянь наблюдал за парящим юношей и медленно нахмурился.

— Не кажется ли вам, что потемнело? — Ли Ло, перевязывавший рану Ли Сюня, озадаченно поднял голову.

Край неба действительно окрасился в густой багровый цвет заката — яркий и пугающе красивый. Прямо на глазах алые облака истаяли, уступая место ночной мгле. В вышине повисла полная луна, изливая мягкое, безмятежное сияние.

Мир погрузился в ночь, но смена пяти стихий продолжалась.

Внезапно Чи Шэн, находившийся в воздухе, содрогнулся. Кровь брызнула из его рта, и он, точно сорвавшийся змей, рухнул вниз. Ученики едва успели подхватить его. Тело юноши сотрясали судороги.

— Его духовных сил слишком мало, — покачал головой Ли Ло. — Он не может долго поддерживать работу такого мощного массива.

Чи Шэн пришел в себя. Сознание было спутанным, он не мог заставить себя открыть глаза, но чувствовал тонкий, прохладный аромат сандала.

Линь Фэйсянь коснулся его запястья. Поток ледяной, чистой энергии хлынул по меридианам, проникая в самую суть существа. Чи Шэн вздрогнул от холода, но разум его прояснился.

— Я видел... — прошептал он, открывая глаза.

— Что ты видел? — спросил Линь Фэйсянь.

Чи Шэн не знал, как подобрать слова. Когда он касался струн, перед его взором представала иная картина. Там не было этого ущелья, не было учеников Даньлин и бесконечной смены стихий. Лишь тихий уголок среди гор и вод, цветущие ветви персиков, кружащиеся в воздухе лепестки, диковинные птицы и журчащий ручей. У воды сидели двое — один в лазурных одеждах, другой в черных. Лиц не разглядеть, но они увлеченно играли вдвоем, переплетая звуки циня и сэ.

Нет, вернее будет сказать, что Чи Шэн чувствовал себя одним из них. Он не знал, как играть, но тот человек из видения словно вел его пальцы по струнам, направляя каждое движение.

Чи Шэн прикусил губу и рассказал обо всем, добавив:

— Этот массив управляет не только погодой, но и сменой дня и ночи. Я могу подчинить только Пять Стихий...

Линь Фэйсянь внимательно посмотрел на него.

— Нам чего-то не хватает, — подытожил старейшина.

Ли Ло изучал символы на краю медного помоста.

— Небесные стволы и земные ветви должны дополнять друг друга, — рассуждал он. — Раз есть ветви, должны быть и соответствующие им стволы. Десять стволов и двенадцать ветвей, сменяя друг друга, образуют шестьдесят циклов. Значит, у этого ущелья шестьдесят вариантов состояний. Чтобы сокрушить барьер, нужно задействовать двадцать две струны, в которых воплощены все эти силы.

Он перевел взгляд на инструмент в руках Чи Шэна.

— Но у этой сэ всего шестнадцать струн. Не хватает шести. Поэтому Чи Шэн не может управлять сменой дня и ночи.

Ученики снова погрузились в тягостное молчание.

В этой тишине едва слышно прозвучал голос Чи Шэна:

—...Цинь и сэ поют в лад.

Линь Фэйсянь взглянул на него сверху вниз.

— Что ты сказал?

Чи Шэн снова вспомнил тех двоих из видения. Один играл на цине, другой на сэ — идеальная гармония душ. Он опустил голову и тихо повторил свои слова.

Почувствовав на себе пристальный, обжигающий взгляд Линь Фэйсяня, он неловко отвернулся и добавил совсем шепотом:

— Но у нас нет циня.

Едва он договорил, как воздух пронзил чистый, серебристый звук сорвавшейся струны.

Под изумленным взглядом Чи Шэна Линь Фэйсянь опустился на землю прямо перед ним. На коленях старейшины покоился семиструнный цинь, а на его деке уже лежали бледные, изящные пальцы.

— Я практикую игру на древнем цине, — невозмутимо произнес Линь Фэйсянь. — Я из Зала Музыка.

Чи Шэн: «...»

Что ж, логично.

Они закрыли глаза и начали играть.

Движения Линь Фэйсяня были легкими и непринужденными, Чи Шэн же чувствовал себя совсем иначе. Его пальцы вновь сковала тяжесть. Спокойствие и уверенность человека напротив лишь подчеркивали его собственную неловкость. Струны сэ казались неподатливыми, а мощная энергия массива давила на него непосильным грузом.

Кровь снова подступила к горлу. Но вдруг Чи Шэн ощутил, как в его тело вливается чужая сила — морозная, чистая, точь-в-точь как снежное дыхание. Она мягко заполняла опустевшие меридианы, даруя опору.

Он поднял глаза на Линь Фэйсяня. Лицо того оставалось бесстрастным, но сердце Чи Шэна дрогнуло.

— Сосредоточься, — коротко бросил старейшина.

Чи Шэн повиновался, полностью отдавшись музыке.

Теперь они управляли магией вдвоем. Линь Фэйсянь взял на себя большую часть отдачи массива, при этом не переставая подпитывать Чи Шэна духовной силой. Старейшина начал бледнеть и нахмурился.

Мелодия циня разительно отличалась от характера самого Линь Фэйсяня. Она была нежной, обволакивающей, исполненной бесконечного терпения. Она мягко направляла резкие звуки сэ, возвращая их в нужное русло.

День и ночь, солнце и бури сменяли друг друга над головой с неистовой силой. Чи Шэн не открывал глаз. Пальцы онемели от боли, сознание меркло. Теперь он играл лишь благодаря мышечной памяти.

В тот миг, когда тьма окончательно поглотила его, последним, что он увидел, был тот самый берег ручья, усыпанный лепестками цветов.

***

Чи Шэн очнулся у подножия гор. Совсем рядом слышалось журчание ручья. Открыв глаза, он увидел Ли Сюня, Ли Ло и еще двоих учеников, которые передавали ему свою духовную энергию.

Заметив, что он пришел в себя, четверо бессмертных закончили практику и поднялись.

— Сяо Чи Шэн, мы выбрались, — улыбнулся Ли Ло. — В этот раз всё благодаря тебе. Как ты себя чувствуешь? Всё в порядке?

Чи Шэн едва заметно кивнул.

Ли Ло указал на лежащую рядом древнюю сэ.

— Каменный массив разрушен, и в горах от этого инструмента больше нет проку. Если она тебе по душе — оставь себе на память.

Чи Шэн удивленно моргнул.

— Массив разрушен... А как же духи в этих горах?

— Не беспокойся, — рассмеялся Ли Ло. — Учитель уже воздвиг новый барьер. Гора демонов по-прежнему скрыта от глаз смертных. Там будет покой, как и прежде.

Остальные ученики уже поднимались в небо на мечях. Пойманные ими демоны были надежно связаны Куньяо-суо и парили следом. Чи Шэн прикусил губу.

— Вы возвращаетесь в свою школу?

— Да, Сяо Чи Шэн, — подтвердил Ли Ло. — Но не «мы», а «мы все». Учитель сказал, что заберет тебя с собой на гору Даньлин.

Юноша огляделся, но нигде не увидел Лансюэ-цзюня. Очевидно, тот ушел гораздо раньше своих учеников.

—...Почему? — только и смог спросить Чи Шэн.

Он сглотнул, вспомнив предостережения Юнь Нина. Всё его тело, даже каждое перышко в облике утки, словно одеревенело.

Ли Ло выглядел слегка смущенным.

— Это секрет нашей школы. Поднимешься к нам — сам всё узнаешь.

В ту же секунду в воображении Чи Шэна пронеслись сотни картин его будущего: как он, в своем хрупком утином обличье, вкалывает на них не покладая лап. Подает чай, подметает полы, трет столы, моет ноги и стелет постели...

Чи Шэн: «Кря-кря-кря?»

Все люди — сущие прохвосты.

Но... Лансюэ-цзюнь тоже на горе Даньлин.

Его жизнь продолжается лишь благодаря спасению тем человеком. Слово, данное демоном, священо, его не отменит ни небо, ни земля. Неужели он нарушит свое обещание только из-за того, что его заставят работать?

Нет.

К тому же, разве у него был выбор?

Если он откажется, эти праведные заклинатели просто разок его поколотят, свяжут и всё равно утащат с собой.

«Что ж, ладно», — Чи Шэн, осознав реальное положение дел, выглядел еще более измученным.

Под ногами Ли Ло вспыхнул золотым сиянием меч. Заклинатель протянул руку и втянул Чи Шэна на клинок за собой. Юноша замер за его спиной, пока меч стремительно набирал высоту, унося их в облака.

Остальные летели следом.

Чи Шэн бросил последний взгляд на ущелье внизу. Они поднялись уже так высоко, что изумрудные пики казались лишь зыбким маревом среди бескрайнего моря облаков. Жизнь «гадкого утёнка» махала ему крылом на прощание.

В носу предательски защипало.

Всё-таки этот Лансюэ-цзюнь — самый большой прохвост на свете.

<http://bllate.org/book/17515/1650107>